

Глава 18. Своими руками.

— Неужели ты пойдёшь? — в десятый раз начинала мама всё тот же разговор.

— Пойду, — Лире нравилось отвечать одним и тем же коротким и категорическим словечком.

— Тимир, это чудовищно! Выгнать детей на холод, в метель! Почему ты молчишь?

Отец смущённо поправлял очки.

— Надюша, неудобно это. Весь десятый класс пойдёт, и только одна наша девочка... Ведь просьба исходит от партийной организации, секретарь Бурцев приходил. Скажут: вот Пестряковы свою дочь не пустили. Между прочим, метель утихла...

— Ах, эти вечные расчёты — что подумают, что скажут... Поведёт ребят, конечно, Аласов? Этот Аласов, я смотрю, стал у тебя любимчиком.

— Ну, уж бы скажешь! С чего бы я его особенно любил? Неплохой учитель, инициативный. И только...

— Делайте как хотите. Пусть девочка обморачивается, замерзает... Меня в этом доме уже давно не слушают!

Утром Лира вместе со всеми отправилась в рейд по спасению колхозной фермы. «Орлы! На нас с надеждой смотрят все бурёнки и зорьки!» Юрча Монастырёв насмешил всех, изображая монолог дойной коровы, обращённый к комсоргу Саше Брагину: «У меня, как известно, молоко на языке, у тебя молоко на губах, о приди ко мне в Чаран...»

Такой ранней пурги старики не помнили лет пятьдесят (старики тем и замечательны, что вечно чего-то не помнят — такого разлива речки Таастах, такого лютого мороза, такого засушливого лета). Три дня мело, будто что-то в небе прорвалось, Арылах превратился в сплошной сугроб. Всё замерло под снегом, замолк тракт за сопками.

Больше всех досталось колхозным фермам. Конечно, столь ранней пурги никто не ждал, конечно, корма вовремя не подвезли, на дальней ферме Чаран скот который день стоял без клочка сена — как же иначе! Попытались послать туда машину, но она, едва выйдя за околицу, забуксовала в снегах.

Шли с шумом-гамом, не спасательный рейд, а свадебная процессия. Позади всех Аласов вёл унылого школьного мерина, незаслуженно носящего кличку Абаасы. Тяжело гружённые инструментом сани то и дело увязали в сугробах, несколько парней специально были прикомандированы к мерину и саням. Однако весёлого настроения хватило только на полдороги. Шутки и песни стали постепенно стихать, колонна всё больше растягивалась — пошагай-ка в таких снегах! Мерин Абаасы и вовсе отстал.

Добрались до Чарана уже ясным днём. Навстречу из юрты, сверкавшей обледененными стенами, проворно выскочил старичок, бессменный чаранский скотник Хаачан. Сухонький и подвижный, с бурыми пятнами отмороженных щёк и седыми бровками, белеющими, как клочья заячьего меха, он напоминал юркого чертёнка из сказки.

Две женщины, одинаково тощие, с хмурыми лицами, появились вслед за старичком, будто его молчаливые телохранители.

— Ур-ра! — закричал Юрча Монастырёв. — Для встречи высоких гостей был выстроен почётный караул.

Однако Хаачан только внешне напоминал весёлого чёртика. На самом деле он оказался стариком сердитым и скандальным. Тех, которые раньше других добрались, старик встретил чуть ли не кулаками.

— Помогать пришли? А что же с пустыми руками? Где ваше сено? Где отруби?

— Нет у нас ни сена, ни отрубей, — отвечали ему. — Трактор только начал пробивать дорогу. Там столько снега — едва ли и завтра пробьётся...

Ребята стояли, не в силах отдышаться после марша по сугробам, а маленький Хаачан бегал вокруг них на своих кривых ногах, хлопал себя рукавицами по бокам.

— Ай, горе мне! Ай, несчастье! Ай, председатель — обманщик! Люди — обманщики! Наш Чаран всегда обделён, всегда в конце стола. В Чаране коровки яловые, а председателю молоко нужно! Не даёшь коровка молока — подыхай без сена!

Хаачан схватил за локоть Лиру, стоявшую ближе других, и поволок её за собой. Схватил так грубо, что у девушки даже слёзы навернулись на глаза: какой ужасный старик, вот бы увидела мама!

Но вид голодного скота не мог бы не тронуть и самого чёрствого сердца. Кыбы, загородка для сена, была словно начисто подметена, — травинки не найти. Коровы жалобно мычат — бока ввалившиеся, морды тоскливые. Одни осаждают кыбы, другие тычутся мордами в мёрзлый навоз, пытаются просунуть голову под прясла городьбы. Только несколько дряхлых стародойных коров, равнодушные ко всему, стоят в стороне и мерно жуют жвачку. В своей многоопытности они хорошо понимают всю бесполезность суеты. Увидев пришедших, годовалые тёлочки и бычки кинулись к ним, стали тыкаться ребятам в ладони мокрыми носами.

— Вот... вот... — голос старика Хаачана задрожал. — Можете любоваться. Сегодня второй день как некормленные.

В углу два бычка возились у корявого ивового пня.

— Гляди-ка, забаву себе нашли! Будто собаки с валенком играют...

Старик услышал это, повернул к Гоше Кудайсову своё маленькое личико:

— Игруются! Тебе бы так играть! Кору они грызут. С голоду. Не видел никогда, как коровки бревном завтракают? Вот полюбуйся, да потом председателю расскажи. Или вы приехали голодным бычкам концерт показывать?

Кричал старик, мычали бычки, трещали прясла под напором коровьих лбов. Ребята смотрели на всё это, потерянные.

— Бедняжечка, горькая моя... — Лира погладила по мягкой шёрстке тёлочку со звездой во лбу; та обнюхивала её, прося пищи. — Ну нет же, нет. Понимаешь, нет у меня ничего. Если бы я знала...

Если бы она знала, что увидит здесь! У мамы, провожавшей её в Чаран, одно было в голове — как бы её девочка ноженьки не приморозила. Мальчишки по дороге развлекали девочек остротами, шли на ферму будто на представление. А здесь стонут от голода несчастные животные! Здесь бегает вокруг хотона отчаявшийся старик.

— Как же так... Лэгэнтэй Нохсоров колхозный скот спасал, жизни своей не пожалел... а эти? — сказал Гоша; на скулах его, как у взрослого, заходили желваки.

Лира благодарно посмотрела на парня: вот и у Гоши душа болит. Как только не стыдно Кардашевскому.

Из-за поворота дороги показались остальные «спасатели». Беспорядочной толпой, еле волоча ноги, они шагали за санями.

Лира бросилась им навстречу:

— Сергей Эргисович, ребята! Они помирают от голода...

— Чёрт знает что! — поддержал её Юрча Монастырёв. — Сергей Эргисович, давайте без передышки за ветками. Эй, народы, быстрее топоры и лопаты сгружать!..

Позабыв про усталость, все бросились к возу. Старичок Хаачан, ни минуты не отступая от Аласова, всё говорил, говорил, но теперь в голосе его появилась надежда.

— А я, понимаешь, учитель, их за бездельников принял. Вот дурья голова, совсем из ума выжил...

Около фермы весь тальник был изведён начисто.

— Ближе, чем в долине Даркы и нет ничего, — объяснял Хаачан, почёсывая затылок. — Может быть, на кочки отправитесь?

Решили и туда, и сюда — разбились на две бригады. В долину Даркы ребят повёл Аласов. Юрча и Гоша с сонным меринком под уздцы замыкали колонну.

Дармы оказалась укромной долиной — летом здесь, наверно, всё было в цветах и травах. Однако тальниковые кустики, как бы отмечавшие невидимый

сейчас под снегом речной берег, были совсем редки. Излазив долинку вдоль и поперёк по пояс в снегу, охотники за кормами всего-то и добыли охапку лозы на пяток веников.

Исход экспедиции решил мерин Абаасы. Конягу с санями оставили на бугре. Подремав некоторое время и, видимо, изрядно продрогнув, мерин по собственной инициативе направился в ложбинку по ту сторону холма. Гоша кинулся в погоню, крича во всё горло мерину всяческие слова. На бегу заметил — как-то странно подпрыгивают пустые сани, влекомые конягой.

— Кочки! Эй, люди! Кочки!.. — возрадовался Гоша, как тот моряк на мачте Колумбова корабля, который первым увидел Америку.

Минут через десять на кочкарнике уже шла работа. Стоит хорошенько расчистить снег, да загнать поглубже лопату, да нажать как следует, как поросшая щетинистым мхом кочка с хрустом вывернется: корм!

— Лира! Верочка! Несите к саням, складывайте в кучу!

— Э-эх! Любишь, брат Монастырёв, молочко пить...

— Кочки, они даже лучше веток! Я знаю — тёлки к кочкам хорошо относятся.

— А я их топором. Гляньте, как я их топором! Куда там твоя лопата. Хрясь — и летит! С одного удара!

Лира выдернула кудрявую головку кочки, которую только что срезал Гоша. Какая она мягонькая. И совсем зелёная...

Хрясь! Хрясь! Не жалея плеча, добрый молодец! Лира, подхватывай! Бегом, к саням! И назад бегом! Работа! Это тебе не картошку копать — не выроешь сегодня, так завтра выроешь! Здесь работают спасатели, тут-то и понимаешь, что значит настоящий труд...

— Лира! Вера! На сани грузите. Чтоб с верхом было. И на ферму галопом! Поживей, девочки, поживей!.. Довезёте сами?

— Довезём, Сергей Эргисович! Мы галопом!.. Живей и ты, коняга, живей! Покажи, какой ты чёрт на самом деле. Не спи на ходу, выручай своих рогатых собратьев!

Замаячил впереди гребень фермы. Лире кажется, что даже сюда ветер доносит рёв голодной скотины. Как там её тёлочка, жива ли ещё?

— Гляди, а вон наши с топорами, бригада номер два... Боже, что они там делают?

Лира взглянула с саней, куда показывала Вера, и обмерла вся.

— Что вы делаете! Сергей Эргисович! — завизжала она, словно учитель в Даркы мог и на самом деле услышать её. Роняя кочки, Лира на ходу скатилась с саней, побежала по глубокому снегу, не переставая при этом визжать: — Что вы делаете, сейчас же остановитесь!

Ребята с Кимом Терентьевым во главе рубили топорами берёзу. Три берёзы, заснеженные и розовые на солнце, стояли здесь, на виду у фермы, несколько часов назад. Теперь две лежали на земле срубленные, их разделявали, а Ким уминал снег вокруг третьей.

Истошный крик остановил их. Опустив топоры, с некоторым даже изумлением, глядели парни на бегущую к ним Лиру Пестрякову, — на девушке лица не было.

Подбежав наконец, она словно подкошенная рухнула, обхватив руками ствол последней, ещё живой берёзы.

— Не дам рубить!

— Да ты что, сдурела, что ли? Вот напугала девка... Как это «не дам», если сам старик Хаачан велел. Веточный это корм, понимаешь?

— Не дам! Мы кочки везём, воз целый. Ещё будут... Не прикасайся, говорю-у!..

Подбежала Вера. Человек решительный, она без долгих слов принялась вырывать топор из рук парня.

— Отдай, Терентьев!

— Вот девчата бестолковые! Вам же говорят — на корм это. Берёзовые ветки, если хотите знать, лучше всяких кочек ваших.

— Лучше! Она двадцать лет росла, а ты её за минуту топором. Душа у тебя, как у топора этого, из железа! Кончайте, парни! — сказала Вера тоном, не терпящим возражений. — Те две срубили, а эту не трогайте.

— Ладно, ребята. В общем, верно — жалко берёзу. Двух пока хватит...

— И ты в слезу, мужик! Берёзу эту, если хочешь знать, фермерские всё равно свалят. Ещё один хороший буран, и всё! На войне танками целые леса валили, когда надо было...

— Сравнил! То ж на войне.

— А тут у них хуже войны. Поглядите, сколько пней торчит. А местечко, между прочим, Чаран называется. Само название топорами вырубил да коровам скормили...

— Ладно, пусть валят. Да не нашими руками. Верно, очень жалко берёзу...

Лири секачом размельчала кочки, другие замешивали, запаривали и солили, приготовленный корм тут же несли скоту. Озверевшие от голоду коровенки набрасывались на пищу. В глазах щипало, глядя на них.

— А я, девочки, вот что предложила бы. Останемся здесь и на ночь, — сказала Нина Габышева; её Сергей Эргисович определил «комиссаром» при старике Хаачане, и она прониклась сознанием своей роли. — Сделаем настоящую квашонку, а утречком отправимся пораньше, ещё и на уроки успеем.

— Верно, Нина! Что они тут одни!

— Остаёмся! — за всех решила Лира, стукнув по доске своим секачом.

Только вот мама... Сойдёт ведь с ума, когда узнает: её Лирочка осталась на дальней ферме, не пришла домой ночевать. Ничего! Родителей тоже воспитывать нужно маленько. Кроши, секач, больше жизни! Ох, мамочка, мочи нет!

— Лира, ты куда?

— Воздуха глотнуть...

— Остынь сначала!

После душного коровника на воздухе благодать. Закатно ещё раз проглянуло солнце — забагровело, зарозовело все вокруг.

Опираясь на лопаты, кружком стояли ребята — мужчины, работники. Досталось им всем сегодня, потрудились на совесть. И как положено мужчинам, сделавшим нелёгкое дело, теперь они стоят, неспешно ведут разговор.

— Разве это хозяйева? Хотон вот-вот завалится. А что с коровами! Что же они, черти, летом думали? Гляньте, какая луговина вокруг! Сегодня мы какую им площадь окультурили — порубили кочки, теперь там отличная травка будет, только коси себе... И это за один день. Привести бы тут луга в порядок, с этой Даркы можно сена на весь колхоз запасти...

— Точно! Ферма на лугу стоит, а скот кормить — деревья рубят. Дикость!

— Надеялись, что в этом году зимы не будет, не планировали.

Но рассудительный Макар Жерготов вносит в пылкие эти обличения трезвость:

— Луга улучшать... Нас вот раз за год сюда выгнали, постучали мы денёк лопатами, только нас Чаран и увидел. Нам ли Хаачана носом тыкать: почему плохо, дедушка, луга улучшаешь? Колхоз нас выучил, а мы кончим школу — улучшать луга придём?

Лира оглянулась — стоит за ней Сергей Эргисович, тоже слушает спорщиков.

— Кочки рубить — такая старинка! — качает головой Саша Брагин. — Скрепы, бульдозеры — вот дело! Не с рабочих рук начинать надо. С машин!

— С головы начинать надо, — вставил своё Гоша Кудайсов. — Тогда и руки будут, и машины. Тут в Чаране можно чудеса творить, если по-умному. Луга спланировать. На ферме подвесную дорогу... Скот племенной завести...

— И электростанцию на том вон бугре!

— Силосные траншеи, цементированные. Да кормокухню... Слыхали, теперь корм для скота даже из нефти добывают?

— Гениальный план! Осталась самая малость — нефть в Чаране отыскать.

— Поставить бы дом для животноводов — белый такой, каменный. С душами...

— А речку запрудить и озеро сделать!

— А в озеро кобьяйских карасей напустить!

— И деревья насадить, чтобы снова Чаран — берёзовая роща была. Киму Терентьеву присудить каждый год сажать по двадцать пять берёз, вместо срубленных.

— Ты, умник! Я их для себя рубил? Велел старик...

— Эх-хе-хе, хозяйева молодые! — лёгок на помине, явился старик Хаачан, как из сугроба возник. Теперь, когда его коровы получили кое-что, и сам скотник повеселел. — Эх-хе-хе, как вы всё распланировали хорошо! Да не получится...

— У нас, дед, получится! Захотеть только.

— А вот и не получится! От фермы Чаран через год и следа не останется. Под корень её... От деревни далеко, дороги к ней плохие... Вот на правлении как порешили!

— А мы пойдём к твоему Кардашевскому да стукнем кулаком: руки прочь от Чарана! И оставят твоюзавалюху.

— Помоги вам тангара... — пробормотал старик, несколько ошеломлённый такой молодой уверенностью. — Я, старый конь, не хочу с Чараном расставаться. Я и родился здесь...

Он обернулся, поманил Аласова пальцем.

— Подойди-ка сюда. Слышал, какую красивую сказку придумали? Озеро, белый дом... Разве это серьёзно?

— Как знать, — ответил Аласов. — Вон ведь наш Юрча сказал: только бы захотеть.

— Парни вы мои дорогие! Ну захотите, что вам стоит!

Лира улыбнулась про себя: вот как старому хочется увидеть белый дом в Чаране. А что, если и в самом деле! Здесь построим электростанцию...

Ай, коровы мычат! Кочки — не сено и не отруби, они всего лишь кочки. Какие там сказки — надо тальник резать, болотный мох запаривать... Погодите, бурёнушки, не ревите. Я всего на минуту себе передышку позволила. Прости меня, тёлочка-звёздочка, умаялась твоя Лира. Я сейчас, я бегу!

Лира — всегда чуточку в стороне от других — сегодня обо всем забыла: секач у неё в руках, как танцор на кумысном празднике.

— А знаете, девчонки, что с Пестряковой происходит? Раскрыть тайну?..

Лира похолодела: сейчас ВеркаТегюрюк брякнет что-нибудь про Гошу.

— Это физический труд из неё человека сделал!

Лира кинулась за Булочкой, обе с визгом стали носиться вокруг чанов.

— Тише вы, коров напугаете!

— После такого голода их ничем не напугаешь. Верно, Звёздочка?

— Муу-у...

— Вот видишь — согласна.